

Жилой комплекс Stralauer Haininsel в Берлине. Архит. Г. Хертиберггер. 1993-1997 гг.
Фото: Michelle F. Martins (публикуется с разрешения автора).

Житель каждой блок-квартиры комплекса Diagoop может по-своему интерпретировать и придомовое, и внутреннее пространства, реализуя потенциал «поливалентности», заложенный Херцбергером (фото © David Kasperek, публикуется с разрешения автора).

Константин Кияненко

Уроки архитектуры Германа Херцбергера

Обращение к текстам и идеям Германа Херцбергера сегодня, на исходе первого десятилетия XXI века, менее всего продиктовано желанием лишь засвидетельствовать формальное почтение этому выдающемуся архитектору мирового калибра. Причина в другом: пятьдесят лет (!) его профессионального служения есть вдохновляющий пример плодотворного взращивания собственной архитектурной практики и теории «как бы» друг из друга, когда первое становится почвой второму и тут же само превращается в росток. «Как бы», потому, что действительное плодородие этого сада объясняется неустанным его опылением спорами реальной жизни, к течению которой Херцбергер проявляет удивительные внимание и чуткость. Он стоял у истоков, разработал сам или существенно продвинул теоретически, воплотил проектно и объяснил популярно ряд фундаментально важных концепций на стыке архитектуры и жизни: «приватного и публичного», «порога» или «промежутка», «структуры и интерпретации (заполнения)», «гибкости» и «поливалентности», «артикуляции», «уединённости и открытости». Его книги, раскрывающие эти и другие концепции, написаны ясно и увлекательно, на редкость продуманно и обширно иллюстрированы, и по праву входят в круг излюбленного чтения будущих и состоявшихся профессионалов во всём мире¹. Они переведены на восемь языков, включая, разумеется, китайский, и уже подходит к концу работа над французским, корейским и испанским переводами.

Герман Херцбергер (род. 1932 г.) получил архитектурное образование в Дельфтском техническом университете, после окончания которого в 1958 году основал в Амстердаме собственную проектную фирму. Будучи ещё начинающим архитектором, вместе с Я. Бакемой, А. ван Эйком становится членом редколлегии журнала «Форум» (Forum), пропагандировавшего идеи архитектурного структурализма (1959-1963). В эти годы его мышление складывается под влиянием членов «Команды X» (Team X), в чей круг Г.Х. был введён ван Эйком, и в чьих собраниях участвовал до 1974 года. Параллельно с интенсивным проектированием Г.Х. начал преподавательскую деятельность в Академии архитектуры в Амстердаме (1965-1969), затем, почти двадцать лет профессорствовал в родном Дельфте, а в 1990 году стоял у истоков создания Института Берлаге - и пять лет возглавлял там лабораторию аспирантской подготовки. С 1966 года постоянно приглашается для чтения лекций в архитектурные школы мира в Азии, обеих Америках, Европе, Японии... Почётный член британской RIBA, американской AIA, голландской BNA, академий искусств и архитектуры в Берлине, Флоренции, Париже, Глазго... В 2002 году был автором концепции голландской экспозиции на VIII Венецианской Биеннале. По данным на конец 2007 года Г.Х. был автором девяноста реализованных проектов и ещё три десятка, на тот момент, строились. Многочисленные его архитектурные награды (более тридцати) для краткости перечислять не станем. Его любимые проектные темы: школы и офисные здания (считается, что Г.Х. оказал существенное влияние на мировую архитектуру офисов и школ в последней трети XX века), концертные залы и жилище². Несмотря на то, что основные идеи Г.Х. сформулированы уже довольно давно, интерес к ним и к автору сохраняется живой. Например, он был среди ключевых докладчиков на Международной конференции RIBA в Барселоне в октябре 2008 года, посвящённой теме «Архитектура и идентичность», - вместе с Кен Йенгом, Фаршидом Муссави, Алехандро Заера-Поло и другими приглашёнными подобного уровня. Предлагаемые короткие фрагменты самой влиятельной из книг Г.Х. - «Уроки для студентов-архитекторов» (пять изданий на английском языке с 1991 по 2005 годы!), может быть, усилят интерес к трудам Г.Х. в нашей стране и ускорят их появление на русском языке.

¹ Главные книги Г.Х.: Hertzberger, H. Lessons for Students in Architecture. - Rotterdam: Uitgeverij 010 Publishers, 1991. - 272 p.; Hertzberger, H. Space and the Architect - Lessons in Architecture 2. - Rotterdam: Uitgeverij 010 Publishers, 2000. - 292 p.; Hertzberger, H. Space and Learning. Lessons in Architecture 3. - Rotterdam: Uitgeverij 010 Publishers, 2008. - 256 p. Обширная библиография собственных публикаций Г.Х., книг, журналов и статей о нём, о его книгах и проектах содержится на сайте: http://www.hertzberger.nl/index_pub.html

² Наиболее известные постройки Г.Х., одновременно - манифестации его теоретических воззрений (или новых поисков): школа Монтеessori (Montessori, Дельфт, 1960-1966); экспериментальные жилые дома Диагон (Diagoop, Дельфт, 1967-1970); здание страховой компании Централ Бехиер (Central Beheer, Амстердам, 1968-1972) и его расширение в 1995 г.; дом для престарелых Ди Дри Хоуен (De Drie Hoven, Амстердам, 1964-1974); центр музыки Вреденбург (Vredenburg, Утрехт, 1973-1978); две школы Аполло (Apollo, Амстердам, 1980-1983); социальное жилище ЛиМа (LiMa, Берлин, 1982-1986); здание Министерства социального обеспечения и занятости (Gaara, 1987) и его частичная конверсия в 2002-2006 гг.; театр Чассе (Chasse, Бреда, 1992-1995); средняя школа Монтеessori (Montessori College Oost, 1999).

Публичное и частное пространства города сложно взаимодействуют. Кафе на городском тротуаре в Римине, по Хертцбергеру, есть пример «частных притязаний на общественное пространство». А горожане, свободно пересекающие частный тротуар, - пример противоположный (фото К. Кияненко).

Сфера публичного

Крайняя оппозиция между *частным* и *публичным*³ – подобно оппозиции между коллективным и индивидуальным – уже превратилась в клише и настолько же неприемлема и фальшива, насколько и столкновение общего с частным, объективного с субъективным. Такие противопоставления есть симптомы дезинтеграции фундаментальных человеческих отношений. /.../ Это всегда вопрос людей и групп в их взаимоотношениях и обязательствах, то есть вопрос коллективного *vis a vis* индивидуального. /.../ Концепции «публичного» и «приватного» могут рассматриваться и пониматься как относительные, как ряды пространственных качеств, которые, постепенно дифференцируясь, относятся к доступности, ответственности, отношению между частной собственностью и присмотром за конкретными порциями пространства. /.../ Использование публичных пространств жителями так, как если бы они были «частными», укрепляет претензии пользователей на соответствующие территории в глазах других. /.../ Если, проектируя каждое пространство и каждый сегмент, Вы знаете соответствующую *меру территориальных притязаний* и соответствующие ей *формы доступности* в отношении прилегающих пространств, то Вы можете выразить эти различия в артикуляции форм, материала, света и цвета и, таким образом, упорядочить проект в целом. Это может, в свою очередь, повысить осознание обитателями и посетителями того, как здание организовано из различных пространств в части их доступности. /.../ Отмечая градации публичной доступности различных зон и частей здания на плане, можно получить своего рода *карту «территориальной дифференциации»*. Эта карта ясно по-

кажет, какие аспекты доступности воплощаются в архитектуре как таковой, какие претензии предъявляются в отношении конкретных территорий и кем, и какого следует ожидать разделения ответственности по уходу и содержанию различных пространств с тем, чтобы эти силы могли быть преумножены (или ослаблены) в ходе дальнейшей разработки плана.

Г.Х. подхватил и развил идеи, вызревавшие в *Команде X* о содержании городской жизни. Ещё в 1953 году, на конгрессе С.И.А.М. в Экзен-Прованс А. и П. Смитсоны предложили взамен её функционалистского кодирования (работа, жильё, отдых, перемещения) социальную идею города как «иерархии человеческих объединений» и цель – вернуть человеку город, с которым он способен себя психологически идентифицировать. В 1956 году на конгрессе в Дубровнике концепция Смитсонов обрела окончательный вид: «ассоциации», «идентичность», «кластеры», «мобильность». Город – теперь не совокупность «функциональных зон», а пространственно выраженные взаимоотношения людей, – не мог более описываться упрощённым «частное – общественное». На примерах суши семейных урожаев риса на общегородских территориях в Индонезии, вывешивания постиранной одежды над городскими улицами в Южной Европе Г.Х. показывает, как «протуберанцы» частных интересов выплывают на общегородские пространства. Можно добавить к этому повсеместную оккупацию городских тротуаров частными кафе в тёплое время года или пример противоположный: частные тротуары Италии, которые, тем не ме-

нее, без ограничений используют горожане. А освоение жителями многоквартирных домов под посадки части двора, а частные погребки вдоль железных дорог и речушек в современном российском городе? Одним из первых Г.Х. активно использует концепции «полупубличных» и «получастных» пространств, как несущих в себе черты обеих оппозиций. Главный вывод, который он делает для архитектуры, заключается в необходимости тщательно изучать *территориальные притязания* разных городских субъектов и выражать, прояснять их доступными проектными средствами для более эффективного взаимодействия горожан друг с другом и со средой.

Порог предоставляет ключ к переходу и связи между зонами с различными территориальными притязаниями и, как место со своим собственным правом, он является, по существу, пространственным условием для встречи и диалога между зонами. /.../ Защищённое место у входной двери – начало «порога», здесь Вы встречаете Ваших гостей и прощаетесь с ними, утаптываете снег ногами и закрываете зонтик. /.../ Кроме всего прочего, порог как сооружение так же важен для социальных контактов, как толстые стены для приватности. Условия для приватности и для поддержания социальных контактов важны в равной степени. Вход, навес и многие другие формы промежуточных пространств дают возможность обустройства между примыкающими друг к другу мирами. /.../ Концепция «*промежутка*» (*in-between*)⁵ является ключевой для избавления от строгого деления между зонами

⁴ Предпоследний конгресс С.И.А.М. (Международного конгресса современной архитектуры) в Дубровнике в 1956 г. готовила группа молодых архитекторов, которые объединились на почве отрицания ряда базовых концепций Модернизма и назвали себя «командой десяти». В их числе были Я. Бакема, Ж. Кандилис, Ж. де Карло, А. ван Эйк, А. и П. Смитсоны, Ш. Вудс, Х. Кодерч, Р. Эркин, О.М. Унгерс, С. Северка и др.

⁵ Впервые эта концепция была озвучена в публикации журнала *Forum* №7, 8 в 1959 году, но до сих пор остаётся удивительно привлекательной для архитекторов. Это одно из ранних проявлений «средового видения» в архитектуре, для которого характерно смещение внимания с традиционного объекта (объёма или пространства) на его периферию или на границу между объектами.

³ Здесь и далее ключевые понятия выделены переводчиком.

Пространство-промежуток (in-between) как тонкая градация зон с разной степенью приватности-публичности: один из первых проектов Хертцбергера – Студенческое жилище в Амстердаме, 1959-1966 (фото © Igor Asselbergs, публикуется с разрешения автора).

с различными территориальными притязаниями. Дело, поэтому, заключается в том, чтобы создавать посреднические пространства, которые, принадлежа административно либо к частной, либо к общественной сферам, были бы в равной степени доступны любой из них, то есть каждая считала бы приемлемым, что другая её использует.

Для Г.Х. «порог» не просто граница, но более или менее развитое пространство-посредник между двумя сферами, насыщенное событиями и символами. В книге он иллюстрирует это на примере одной из своих знаменитых школ Монтессори в Дельфте. Здесь пороговые (входные) пространства используются учениками как место приветствия и расставания перед началом и после завершения уроков. Здесь родители, провожающие младших детей, прощаются с ними и беседуют друг с другом, пока ждут окончания школьных занятий. В жилых домах *Диагон* входы в соседние блок-квартиры спроектированы как ступенчатая последовательность пространств разной меры публичности-приватности.

При формировании *общественного пространства* задача заключается в том, чтобы местные сообщества чувствовали бы себя персонально ответственными за него, так, чтобы каждый их член вносил свой вклад в собственное окружение, с которым он связан и отождествляет себя. /.../ Дела начинают ухудшаться, когда масштаб (К.К. – пространства) становится слишком большим, когда эксплуатация и управление общественной зоной не могут более осуществляться теми, кто непосредственно вовлечён, и появляется нужда в специальной организации с её собственным специализированным штатом, с её собственными ин-

тересами и заботами о выживании и, возможно, развитии. /.../ Причина, по которой городские жители становятся пассивными в своей собственной жилой среде, заключается либо в том, что возможности общественной инициативы чрезмерно переоценены, либо в том, что их участие и заинтересованность недооценены. Жители дома не так уж и озабочены пространством за пределами собственного жилища, но не могут быть и полностью безразличны к нему.

Один из успешных примеров стимулирования архитектором средовой активности жителей – описываемый Г.Х. проект социального жилища ЛиМа в Берлине. Здесь в центре небольшого внутреннего двора архитектор спланировал песочницу, отделку стенки которой оставил на усмотрение самих жителей, чем они увлечены и занимались в технике мозаики, используя для этого битую домашнюю стеклянную и фарфоровую посуду. В целом, в Голландии, в Европе, Северной Америке последние десятилетия наблюдается заметное оживление активности горожан в добровольном и коллективном обустройстве городских пространств не только собственных дворов, но и территорий за их пределами – улиц, набережных, парков. Один из самых известных европейских примеров такого рода – движение *Opzoomeren*, начавшееся в 1989 году в Роттердаме (где оно охватывало в 2007 году уже десятую часть всего городского населения и треть улиц города), а затем активно импортированное другими городами и странами (Бельгией, Францией, Германией)⁶.

⁶ Те, кто уверен, что подобного рода активность не имеет к российским реалиям никакого отношения, могут обратиться к книге: Шомина, Е.С. Жители и дома. – М.: РИЦ «Муниципальная власть», 1999.

Структура и интерпретация

Отношения между коллективной данностью и индивидуальной интерпретацией, – в том, как они складываются между формой и её использованием, а значит и опытом, – могут быть приравнены к *отношениям между языком и речью*. Язык есть коллективный инструмент, общая собственность группы людей, способных использовать этот инструмент для придания формы своим мыслям и для обмена ими между собой; в той мере, пока они соблюдают правила грамматики и синтаксиса и до тех пор, пока они используют общеупотребительные слова, то есть слова, что-то означающие для слушателя. /.../ Речь же не есть просто интерпретация языка, и язык, в свою очередь, формируется речью, тем, что говорится часто, язык, соответственно, изменяется под этим постоянным влиянием. /.../ Поначалу структурализм подразумевал образ мышления, происходящий из культурной антропологии, который занял видное положение в Париже в 60-е годы и который, особенно в той его форме, что была разработана К. Леви-Строссом, оказал большое влияние на различные социальные науки. /.../ его идеи, особенно в части упомянутого выше взаимодействия между коллективным образцом и индивидуальными интерпретациями (К.К. – подобно языку и речи) оказались особенно вдохновляющими для архитекторов. /.../ Говоря в целом, «структура» олицетворяет собой нечто коллективное, общее, более объективное и допускает интерпретации в рамках того, что ожидается и требуется от неё в конкретной ситуации. Точно так же можно говорить о структуре в связи со зданием или градостроительным планом: это крупная форма, которая мало или вовсе не меняясь, подходит для удовлетворения различных ситуаций, потому что время от вре-

«Решётки» и «модули» структуралистской эстетики вполне органичны для традиционно сухой голландской архитектуры и в Берлине: социальное жилище LiMa (фото 5,6 – © Kristian Seier; фото 7,8 – © Liane Fleming – публикуются с разрешения авторов).

мени предоставляет свежие возможности для нового использования. /.../ Если архитектор в состоянии полностью уловить смысл различия между *структурой* и *заполнением*, или, другими словами, между «компетенцией» (competence) и «употреблением» (performance), он может добиться решения с большей потенциальной ценностью в смысле применимости, то есть – с большими возможностями интерпретации. /.../ Этот процесс мышления, вдохновлённый структурализмом, пытается расквитаться с достаточно противоположной установкой функционализма найти особую форму и особую пространственную организацию каждой функции. Проектирование, которое отыскивает наибольший общий знаменатель, «набор» всех требований, обсуждаемых в частной задаче (то есть, программы, в её широком смысле), использует иную стратегию и требует иного кругозора от архитектора.

Г.Х. считают главным апологетом архитектурного структурализма. Основные идеи архитектурного структурализма сформулировал учитель **Г.Х.** Альдо ван Эйк (1918-1999) на последнем конгрессе С.И.А.М. в Оттерло (1959). В поисках немодернистских фундаментальных оснований архитектуры он пришёл к заключению, что модернизм гипертрофировал новизну эпохи и недооценивал то, что «человеческая натура та же на протяжении всей истории». Корни, опору архитектуры он искал в неизменном, архетипическом устройстве и поведении человека⁷. При всём своём внешнем разнообра-

зии жизнь подчинена вечному и общему порядку, поэтому задача архитектуры – отыскивать и создавать этот общий порядок, «коллективный образец», «организованное разнообразие», позволяющее раскрываться всем проявлениям человеческого поведения за счёт его индивидуальной интерпретации. Здесь архитектурный структурализм эксплуатирует идеи лингвистического, антропологического, культурологического структурализма, концепции «языка» и «речи» (langue et parole) Ф. де Соссюра, К. Леви-Стросса, «компетенции» (competence) и «употребления» (performance) Н.Хомского. Интерпретируя эти идеи архитектурно, **Г.Х.** использует метафоры жёсткой «основы» и варьированного «утка» ткани, примитивной простоты шахматной доски и неповторимого многообразия шахматной игры, кажущегося беспорядка и жёсткой логики «касбы» в арабском городе. Во всех случаях речь идёт об архитектуре универсального пространственного каркаса, рамки которого одновременно создают безграничные возможности освоения человеком. **Г.Х.** заимствует у Мишеля Рагона красноречивые примеры удивительной универсальности простых структур, возможностей их непредсказуемой интерпретации. Ним и Арль после крушения римской империи сначала съжились до размеров построенных римлянами в этих городах амфитеатров, освоив полностью их арены под небольшие поселения и оставив всю внешнюю территорию ящерицам и змеям. Позднее вестготы превратили арену в Ниме в настоящий город с двухтысячным населением, улицами и церквями. Та же судьба ждала и амфитеатр в Арле, существовавший долгое время как крепость.

В «функциональном городе» и «функциональном здании» особенно выявлялись различия. Это привело к чрезмерной детализа-

ции требований и критериев удобства, что неизбежно вылилось скорее во фрагментацию, чем интеграцию, а если и было что-то, чему эти концепции не смогли противостоять, так это время. /.../ Так называемый «функциональный урбанизм» особенно ясно демонстрирует, насколько разделение функций, – вместо их интеграции, – препятствует решению архитектурных проблем. Быстрое старение любых слишком специализированных решений приводит не только к нефункциональности, но также – к серьёзной неэффективности. /.../ Паролем стала *гибкость*, она превратилась, было, в панацею от всех болезней архитектуры. /.../ «Гибкость» означает, – поскольку нет какого-то единого предпочитаемого другим решения, – абсолютное отрицание определённой, ясной позиции. Гибкий план исходит из уверенности, что правильного решения не существует, потому что проблема, требующая решения, находится в состоянии непрерывных изменений, то есть всегда временна. Гибкость демонстративно привержена относительности, но по существу она имеет дело лишь с неопределённостью, не обладая смелостью связать себя какими-то обязательствами и поэтому, отказываясь от принятия ответственности, которая неизбежно возникает в связи с каждым и любым предпринимаемым действием. Хотя гибкая структура охотно приспосабливается ко всякой перемене, как она заявляет об этом, она никогда не может стать самым лучшим и наиболее подходящим решением какой бы то ни было проблемы /.../. Гибкость, поэтому, представляет собой набор всех неподходящих решений некоей проблемы. /.../ Здесь же отстаивается архитектура, которая, в случае решения пользователя предназначить её для чего-то иного, чем задумал архитектор, не оказывается непригод-

⁷ Из архитектурного структурализма очень часто выхлещают его главное содержание – социальное, и оставляют второстепенное – геометрическое, комбинаторное. Между тем, он возник и развивался в первую очередь как реакция на игнорирование в модернизме проблемы отождествления человека с городской формой и пространством. Одна из ключевых идей архитектурного структурализма заключается в том, что архитектура, представляя пространственный каркас, позволяет пользователю посредством заполнения влиять на проект и осуществлять самоидентификацию со средой. См. об этом, напр.: Bell, G. Human Identity in the Urban Environment / G. Bell, J. Tyrwhitt (eds.). – London: Penguin Books, 1972.

ной и бессмысленной и в результате не теряет свою идентичность. /.../ Но большинство объектов и форм имеют, помимо той единственной цели, для которой они спроектированы, и которой они обычно обязаны своим названием, дополнительную ценность и потенциал и, в результате, большую эффективность. Эту большую эффективность, которую мы называем *поливалентностью*, и которая ближе всего к «компетенции», и есть характеристика, которую я хочу подчеркнуть как критерий проектирования.

По Г.Х. «в структурализме происходит дифференциация между структурой с длительным циклом службы и заполнением с более коротким сроком» (вспомните, как это реализуется в концепции «поддерживающих структур» Н.Д. Хабракена)⁸. Поливалентность и есть возможность «длительной» структуры создавать ресурс не для конкретных функций, а для любого воображаемого «заполнения», изменения в использовании, в социальных связях и отношениях. В результате, объяснение различий между «функциональной гибкостью» и социальной «поливалентностью» яснее всего раскрывает оппонирование функционалистской и структуралистской концепций пространства. Г.Х. не оставляет его «нейтральным», а насыщает «скрытыми провокациями»: трансформируемые модулями, местами, удобными для дополнительного расчленения или объединения пространств, создания или закрытия проёмов, освоения зарезервированных ресурсов, надстроек, пристроек и т.п. Все здания Г.Х. поливалентны, но один из самых ярких примеров, описываемых в книге и во множестве других источников – офис страховой компании

Сентрал Бихир в Апельдорне (Голландия).

И градостроительный план, и план этажа основаны на разделении функций, и именно слепое повиновение функции приводит к разграничению жилья и работы, питания и сна и т.п. как отправной точке организации пространства для различных целей разным образом на том основании, что различные *виды деятельности предъявляют разные требования* (К.К. – курсив мой) к пространствам, в которых они должны осуществляться. Именно это нам твердили в течение последних двадцати пяти лет. Но даже если бы жизнь и работа, питание и сон могли обособленно называться деятельностью, то и это бы ещё не означало, что они предъявляют особые требования к пространству своего осуществления – особые *требования предъявляют люди*, поскольку им свойственно интерпретировать одну и ту же функцию своим собственным способом, согласно своему собственному вкусу.

Жилище до сих пор проектируется исходя из того, что думают местные власти, инвесторы, социологи и архитекторы о том, что хотят люди. А то, что думают первые, не может не быть стереотипом: такие решения бывают приемлемыми, но никогда – полностью удовлетворительными. Это *коллективная интерпретация немногими индивидуальными желаний множества людей*.

/.../ Изучение индивидуального поведения, каким бы скрупулёзным и полным оно ни было, никогда не проникает через толстую кожу условностей, сформировавших это поведение и подавляющих истинное волеизъявление. Поскольку мы никогда не сможем узнать, что каждый действительно хочет для себя, никто и никогда не сможет изобрести другому совершенное жилище. В дни, когда люди ещё сами строили собственное жили-

ще, они также не были свободны, потому что каждое общество, по определению, есть не более, чем образец, которому подчинены его члены. /.../ они не могут от этого освободиться, но каждый, по меньшей мере, должен быть волен дать *собственную интерпретацию коллективному образцу*.

В условиях, когда существует неизбежное столкновение коллективного и индивидуального, Г.Х. видит две противоположные стратегии действий для архитектора. Первая заключается в обобщении всего мыслимого разнообразия жизни несколькими унифицирующими моделями пространственной организации. Этот путь, воплощённый в типовом проектировании и массовом индустриальном строительстве, он называет *коллективной интерпретацией индивидуальных образцов*. Вторая стратегия кроется в создании поливалентных структур, содержащих потенциал многообразного освоения – *индивидуальной интерпретацией коллективных образцов*. Пример второго рода – проект экспериментальных жилых домов Диагон в Дельфте. Пространственная структура его восьми ячеек намеренно открыта к развитию, не завершена. Каждая семья может решить сама, будет ли на первом этаже, и какого размера, гараж, на каких уровнях разместятся спальни, кухни и гостиные, сколько их будет, и станут ли они отделяться друг от друга стенами. С ростом семьи все пространства трансформируются, есть возможность надстройки дополнительного уровня. При этом, базовая структура содержит многочисленные «кнаёмки» на возможности поливалентного использования. Этот же принцип реализован вовне. Здесь Г.Х. не стал делать традиционного благоустройства перед входом в ячейки в виде «передних дворов» (*front yards*), а замостил всю территорию одинаковы-

⁸ См.: Кияненко К.В. Как помирить индустриальность с гуманистичностью и превратить массовое жилище в индивидуальное: теория «опор» и «заполнения» Н.Д. Хабракена // Архитектурный вестник. – 2008. - №6.

Считается, что проект театра Chasse в городе Бреда знаменует отход Хертцбергера от структуралистской эстетики (фото © Gustav Dellaert, публикуется с разрешения автора).

ми бетонными плитками, намекая на общественный характер пространства и никак не выделяя зоны отдельных владельцев. В результате, жители каждой блок-квартиры сами определяли, какую часть замощенной территории присвоить, вынимая часть плиток и высаживая на их месте зелень, обозначающую границы. Одни больше отделили себя и от соседей, и от городского тротуара, другие активнее открылись в городскую среду. Где-то появилась стоянка авто, а где-то цветник. Разумеется, архитектор мог действовать и по-другому: выявить несколько основных традиционных моделей использования территорий и реализовать разработанную типологию пространств «раз и навсегда». Но это бы не был Герман Хертцбергер. Не все горожане в восторге от *Diagoon*, но те, кто в нём живут, утверждают, что не променяют его ни на что другое.

Необходимо смещение акцента со строительной программы, в которой воплощена лишь коллективная интерпретация, на многозначную ситуацию сообщества или индивида в том виде, как она складывается в реальности. Архитектор имеет только одно средство, чтобы вынести всё это пёстрое многообразие данных на поверхность – его *воображение*. Он должен в полной мере использовать своё воображение для того, чтобы отождествить себя с потребителем и в итоге понять, как последний столкнётся с проектируемым объектом и что будет ожидать от него. /.../ не следует думать, что архитектор обязан руководствоваться инструкцией пользователей в отношении того, что ему делать и особенно того, чего ему не делать. Когда мы косвенно поддерживаем идею большей роли пользователя в формировании его окружения, наша главная цель не столько в поощрении индиви-

дуальности, сколько в восстановлении равновесия между тем, что мы должны делать для него и тем, что он должен делать сам.

Приглашающая форма

Всё, что мы проектируем, должно быть /.../ не только вмещающим, но и стимулирующим – именно это фундаментальное и активное соответствие я бы назвал «приглашающей формой»: формой, относящейся к людям с большей симпатией.

Стимулирующими свойствами у **Г.Х.** обладают не только пространство, но и конструкции. Один из его излюбленных строительных элементов – небольшой перфорированный блок, используемый для создания парапетов, подпорных стен, ограждений балконов и песочниц... Его внутренние пустоты могут использоваться как цветочные горшки, контейнеры для хранения разнообразных вещей, места для крепления опор временных навесов, светильников и для других целей. Блоки могут создавать визуально просматриваемые ограждения, если сквозные отверстия располагаются горизонтально, или глухие – в варианте «стакан». **Г.Х.** считает, также, что любые ступени, основания колонн и ниш, низкие разделяющие стены «приглашают» присесть и должны быть приспособлены для этого.

Вопрос, имеет ли архитектура *социальную функцию* совершенно неуместен, потому что социально безразличных решений попросту не существует; иными словами, каждое вторжение в окружение человека, независимо от конкретной цели архитектора, имеет социальный подтекст. Поэтому мы фактически несвободны проектировать то, что нам нравится – всё, что мы делаем, имеет послед-

ствия для людей и их взаимоотношений. /.../ Если Вы думаете, что своим трудом не можете сделать мир лучше, убедитесь, по крайней мере, что Вы не делаете его хуже.

«Что бы ни значили пространство и время, *место и событие* значат больше. Потому, что пространство, в воображении человека, это место, а время – это событие». «Делайте из всего место, букет мест из каждого дома и города, поскольку дом – это крошечный город, а город – это огромный дом» (А. ван Эйк, 1962)⁹. /.../ Пространства следует всегда сочленять так, чтобы создавались места, пространственные ячейки, чьи подходящие размеры и правильная мера закрытости позволяли бы им вместить образцы отношений потенциальных пользователей. Характер сочленения пространства – решающий фактор: это в высокой степени определяет, будет ли пространство удобно, скажем, для одной большой группы людей или для ряда небольших, отдельных групп. Чем больше *артикуляция*, тем меньше пространственные ячейки, и чем больше фокусов концентрации внимания, /.../ тем большее количество видов деятельности может быть осуществлено независимо группами одновременно. /.../ Мы должны артикулировать вещи, чтобы уменьшать их, то есть делать не большими, чем это необходимо и более управляемыми. И поскольку артикуляция расширяет применение, пространство, таким образом, увеличивается. В результате, то, что мы делаем, должно стать

⁹ Одна из самых продуктивных архитектурных метафор XX века – «дом как город, а город как дом» многократно воплощена Хертцбергером. Вот как описывает исследователь его творчества А. Лёчингер (Arnulf Luchinger) офисное здание Централ Бихир: «Идея в том, что /.../ здание это своего рода город, состоящий из большого числа равных пространственных ячеек, подобно многим островам, связанным между собой. Эти пространственные ячейки являются исходными строительными блоками, они сравнительно невелики и в состоянии давать приют разным программным компонентам (или «функциям»), поскольку их размеры и форма и пространственная организация подчинены этим целям» (Herbert Hertzberger: Buildings and Projects. – The Hague: Arch-Edition, 1987).

Десять лет спустя после комплекса LiMa Хертцбергер проектирует ещё два жилых корпуса для Берлина. Структурализм или нет, но это архитектура высшего класса: Жилые блоки 7 и 8 на п-ве Штралау в Берлине (Stralauer Halbinsel Block, 1994-1998; фото © Michelle Martins – публикуется с разрешения автора).

меньше и, одновременно, больше; достаточно небольшим для использования и настолько большим, чтобы предложить максимальный потенциал использования. Артикуляция, поэтому, ведёт к увеличению ёмкости и большему выходу имеющегося в наличии материала.

Маленький пример на эту большую тему. Проектируя игровые пространства для детей, Г.Х. обнаружил, что дошкольники, строящие песочные замки, чаще предпочитают делать это поодиночке, попарно или, в крайнем случае, втроём. Уже четверо или пятеро в одной песочнице – огромная редкость. А если вы видите играющую вместе большую группу детей, – пишет он, – можете быть уверены, что за всем этим стоит воспитатель. Поэтому, для увеличения ёмкости песочницы (количества играющих одновременно детей) следует не увеличивать её размеры, а расчленять на ряд отдельных, пусть и небольших. Именно такие «сегментированные» песочницы спроектированы в школе *Монтессори* в Дельфте. Верность наблюдения Г.Х. о связи артикулированности (расчленённости, акцентированности) формы и пространства с потенциалом их использования подтверждается и другими источниками. Алан Якобс, исследуя связь артикулированности и людности пространств, обнаружил, что самое активно посещаемое пешеходное пространство Рима имеет на одной квадратной миле 504 угла и предлагает посетителям большой выбор вариантов использования и форм поведения, в то время, как предназначенное для этих же целей, но менее успешное пространство Лос-Анжелеса, – лишь 171 угол¹⁰. Из этого делается вывод, что американцам лучше удаются пространства для автомобилей, чем для людей.

С использованием элементарных принципов пространственной организации можно ввести множество градаций *уединённости* и *открытости*. Степень уединения, как и степень открытости, должны очень тщательно дозироваться, чтобы сложились условия для большого разнообразия контактов, от игнорирования тех, кто вокруг Вас, до осуществления желания быть вместе, чтобы люди могли, во всяком случае пространственно, располагаться друг по отношению к другу на основе собственного выбора. /.../ искусственная среда никогда не навязывает социальных контактов, но, в то же время, мы не должны навязывать и их отсутствие. /.../ если даже социальные отношения сами по себе зависят от средовых факторов лишь в незначительной степени, то и это достаточное основание для сознательной постановки цели организовывать пространство так, чтобы каждому была предоставлена возможность *противостоять другим на равных основаниях*.

Этот принцип обеспечения свободы выбора форм пространственного соотнесения с другими Г.Х. соблюдает даже в проектах школ, где ученик имеет возможность меньшего или большего уединения по отношению к своим товарищам и учителю. Для этого используется Г-образная форма класса, ставшая в последние десятилетия очень популярной во всём мире (L-shaped classroom). Класс разбивается на три зоны (два крыла и узел их примыкания), в которых организуются зоны индивидуальных, групповых и классных занятий. Ученик имеет право по своему украшать собственный стол, хранить здесь свои вещи, растения, за которыми он ухаживает и т.п. Школа, по мнению Г.Х., это место, где можно обособиться и выбрать се-

бе позицию с учётом позиции других, «где ты учишься занимать место в обществе».

Социальная архитектура

/.../ антипатия, высказываемая многими архитекторами по отношению к социологическим и психологическим подходам, в некотором смысле понятна. Ведь здесь мы окружены неудачами минувшей эпохи с её социальными утопиями, такими как «пространства для социального взаимодействия» и другими романтическими, бесполезными (по крайней мере, никогда не использованными) понятиями, изобретёнными архитекторами, которые верили, что они могут просто предсказать поведение людей. /.../ Архитекторы в целом имеют склонность к театральным упрощениям. Настрой на психологически и социально неустранимые факторы никогда не был главной заботой архитектуры. Тщательно выверенные размеры, правильная артикуляция и верный баланс открытости и уединения – это первые шаги к «обитаемому пространству между вещами». Социальная архитектура не существует, но это не означает, что мы можем по-прежнему игнорировать то, как люди относятся друг к другу и как они реагируют на различные ситуации.

Заявление о социальной архитектуре как несуществующей, звучащее из уст Г.Хертцбергера, на первый взгляд обескураживающе противоречит всему содержанию его проектного и литературного творчества. Но только на первый взгляд. Ведь, если есть «социальная», то может быть и «несоциальная» архитектура. А с последним этот, по словам Абрама де Свана (Abram de Swaan), «преимущественно социологический архитектор» наверняка не согласится.

¹⁰ Цит. по: Davis, S. The Architecture of Affordable Housing. – Los Angeles: University of California Press, 1995.